

много хорошаго о состояніи, до какого дошли теперь дворянскіе выборы, и по своему верховнядству сложилъ всю вину на богатыхъ дворянъ. Мы не беремся объяснить это явленіе, и скажемъ только, что все, что есть или что сдѣлалось, есть и сдѣлалось по причинамъ неотразимымъ и съ самаго начала носило въ себѣ сѣмена своего будущаго состоянія. Объ этомъ бы и слѣдовало говорить Ивану Васильевичу или ничего не говорить. А іереміады-то мы слышали и не отъ него, и онѣ всѣмъ надобны, потому что ихъ способенъ повторять всякій человѣкъ, неумѣющий порядочно связать двухъ идей. Что новаго въ этихъ, на примѣръ, словахъ Ивана Васильевича?—«Всѣ старинныя имена наши исчезаютъ. Гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ прахъ, потому что не на что ихъ возстановить, и русское дворянство зажиточное, радужное, хлѣбосольное отдало родочныя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подблали себѣ фабрики.» Какая же, по мнѣнію Ивана Васильевича, причина этого важнаго явленія?—«Пропромотались на праздники, на театры, на любовницы, на всякую дрянъ»... Знаете ли, на что похоже подобное объясненіе! Вопросъ: Отчего умеръ этотъ человѣкъ? Отвѣтъ: Отъ болѣзни.—Хорошо; но отчего онъ заболѣлъ, и почему онъ умеръ отъ этой болѣзни, когда другой, у котораго была та же самая болѣзнь, не умеръ отъ нея? Но это сравненіе еще не совсемъ вѣрно: человѣкъ можетъ умереть отъ случайности, а случайность не объясняется общими законами; измѣненіе же или упадокъ цѣлаго сословія не можетъ быть дѣломъ случайности,—и мотовство тутъ плохое объясненіе. Что праздники, театры и любовницы богачей нашего времени передъ роскошью вельможъ прошлаго вѣка! Однако жъ имъ доставало своихъ средствъ.... Нѣтъ; подобный вопросъ надо было или рѣшить поглубже и поосновательнѣе, или вовсе не браться за него. Василій Ивановичъ гораздо лучше рѣшилъ его. «Что думаете вы о нашихъ аристократахъ?» спрашиваетъ его Иванъ Васильевичъ. «Я думаю,—сказалъ Василій Ивановичъ,—что на станціи намъ не дадутъ лошадей.»

Описание станціи превосходно: при каждой строкѣ такъ и хочется вскрикнуть: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.» Анекдотъ станціоннаго смотрителя о генералѣ прекрасенъ и самъ по себѣ, и по тому восторгу, въ который привелъ онъ Василія Ивановича. Описание жилища или, лучше сказать, логовища, въ которомъ помѣщается станціонный смотритель и въ которомъ такъ вѣрно, какъ въ зеркалѣ, отражаются его

духъ, понятія и наклонности,—это описание—верхъ мастерства, и хотя нѣкоторые правоописательные романисты, они же и критики, объявили, ради весьма понятныхъ причинъ, что графъ Соллогубъ пишетъ въ поверхностномъ родѣ,—однако для насъ одна страница въ «Тарантасѣ», которая знакомитъ читателя съ покойми станціоннаго смотрителя, въ тысячу разъ лучше всѣхъ правоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ романовъ. Превосходенъ также этотъ вскользь, но вѣрно обрисованный майоръ, который въ ожиданіи лошадей всѣмъ говорилъ «ты» и всѣмъ разказалъ обстоятельства своей жизни, хотя о нихъ никто у него не спрашивалъ, и котораго Василій Ивановичъ трепалъ по плечу, приговаривая: «военная косточка!» (стр. 43). Никѣмъ неподозрѣваемый изъ чайвскихъ движеній лошадей, внезапный проѣздъ тайнаго совѣтника, для котораго у станціоннаго смотрителя нашлись лошади, есть истинно-художническая черта, которая удивительно вѣрно доканчиваетъ картину «станціи». За станціей слѣдуетъ гостиница, но въ промежуткѣ этихъ двухъ любопытныхъ фактовъ русской жизни съ Василіемъ Ивановичемъ случилось несчастье: отъ тарантаса были отрѣзаны два чемоданы и нѣсколько коробовъ, а съ ними пропали чепчикъ и тюбанъ отъ мадамъ Лебуръ, съ Кузнецкаго моста, приобрѣтенные для Авдотьи Петровны.

«Пріѣхавъ на станцію, онъ бросился къ смотрителю съ жалобой и просьбой о помощи. Смотритель отвѣчалъ ему въ утѣшеніе: „Будьте совершенно спокойны. Вещи ваши пропали. Это уже не въ первый разъ. Вы тутъ въ двѣнадцать верстахъ проѣзжали черезъ деревню, которая тѣмъ извѣстна: все шалуны живутъ.“

— Какіе шалуны? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Извѣстно-съ. На большой дорогѣ шалать ночью. Коли заснете, какъ разъ задній чемоданъ отрѣжутъ.

— Да это разбой!

— Нѣтъ, не разбой, а шалости.

— Хороши шалости, уныло говорилъ Василій Ивановичъ, отправляясь снова въ путь.—А что скажетъ Авдотья Петровна?» (стр. 47).

Иванъ Васильевичъ торопится во Владиміръ, которымъ онъ, какъ древнимъ городомъ, прекрасно можетъ начать свои путевыя впечатлѣнія. «Я вамъ уже говорилъ, Василій Ивановичъ, что я... и не я одинъ, а насъ много, мы хотимъ выпутаться изъ гнуснаго просвѣщенія Запада и выдумать свое бытное просвѣщеніе Востока.» И эту дичь Иванъ Васильевичъ несетъ простодушно, безъ всякой задней мысли... Какой чудакъ!...